

Однажды всех кормилиц и слуг вызвали в главный двор, где госпожа распорядилась наградить их двадцатью ударами палками и выгнать прочь. Вскоре после этого в маленьком дворике Юшу появилась дородная, с суровым лицом старуха, которую все называли матушка Сун. В тот же день, едва переступив порог, она услышала плач Юшу, разносившийся на всю округу, и поспешила в комнату. Следом за ней семенила маленькая служанка лет семи-восьми; она с трудом тащила огромный узел — издали казалось, будто у этого узла выросли ноги.

— Не плачь, маленький господин, старая рабыня пришла, — проговорила матушка Сун и осторожно взяла Юшу на руки.

Юшу было уже полгода, он умел переворачиваться, садиться, ползать, а его ручки и ножки стали крепкими. Как только его подняли, он привычно потянулся к вороту одежды, причмокивая губами и имитируя сосательные движения. Из-за слишком долгой медитации он пропустил два кормления и теперь был до того голоден, что на его личике отразилось нескрываемое нетерпение.

Матушка Сун, глядя на его нахмуренные бровки и полные слез черные глазки, восхищенно воскликнула:

— Кто только посмел сказать, что наш маленький господин — дурачок?

Она опустила ребенка пониже, чтобы служанка тоже могла рассмотреть его, и добавила:

— Только погляди на эту мордашку, ну разве он похож на дурачка?

Служанку звали Байшао, она прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— На мой взгляд, он выглядит куда опрятнее второго господина. Весь в нашу госпожу.

— То-то и оно, — матушка Сун, по-видимому, была очень близка с госпожой, потому в ее голосе послышались печальные нотки воспоминаний. — Помнишь, какой красавицей была наша госпожа в столице? Умом и красотой блистала, добродетельна и мудра — женихи из сотен домов сватов засылали. Но господин был ослеплен и выдал ее за Ван Сянцзяня, этого лицемера! Теперь, когда Ван Сянцзянь благодаря поддержке дома маркиза занял пост в Военном министерстве, он позабыл обо всех прежних обещаниях. То танцовщица, то певичка — кого только не тащит к себе в покои, какой только грязи не набирает, и при этом так жестоко обращается с сыном нашей госпожи...

Матушку Сун захлестнули чувства, и она, прижимая Юшу к груди, тихо заплакала.

Юшу, занятый попытками расстегнуть ее ворот, постепенно замер. Переважив услышанное, он выделил несколько крайне полезных сведений: во-первых, эти двое присланы его родной матерью, которая, движимая любовью к нему, питает к нему теплые чувства; во-вторых, его отец — Ван Сянцзянь, занимающий пост в Военном министерстве; в-третьих, его мать — дочь из дома маркиза, чей статус куда выше семьи Ван.

И всё же, несмотря на такое влиятельное происхождение, в вопросах воспитания детей она проявила слабость. Муж сказал, что ребенок — призрак-кредитор, она поверила и с тех пор не проявляла к нему никакого интереса. Взгляд Юшу слегка потемнел. Он не мог испытать теплых чувств к своим родителям в этой жизни, а потому, отбросив лишние мысли, вернулся к поискам еды. Помучившись и так и не сумев добраться до груди матушки Сун, он начал сердито бить ее ручками, издавая возмущенные возгласы, явно выражая желание поесть.

Матушка Сун сквозь слезы рассмеялась, коснулась его покрасневшего кончика носа и укоризненно произнесла:

— У старой рабыни своих детей нет, молока нет, да и на кормилицу денег не хватит. Сорок лянов серебра — это всё, что нам дали на полгода.

Юшу, услышав это, совсем расстроился, издал жалобный писк, а его нос покраснел еще сильнее — он был в ярости.

Матушка Сун рассмеялась пуще прежнего, вынесла его во двор и, указав на козу, привязанную к дереву османтуса, сказала:

— Гляди, это твоя новая кормилица. Купили всего за несколько сотен монет. Теперь каждый день будет молоко, и платить никому не нужно. Сорок лянов — сумма не такая уж большая, — закончила она с тяжким вздохом.

Байшао, будучи расторопной, уже побежала доить козу и звонко отозвалась:

— Козье молоко, конечно, дешевое, но запах у него специфический. Неизвестно, привыкнет ли маленький господин.

— Ничего, при варке добавим немного цветов жасмина и старого чайного листа, чтобы отбить запах, — матушка Сун указала на пышный куст цветущего жасмина у стены.

— Хорошо, — улыбнулась Байшао, быстро надоила целую миску молока и понесла ее на кухню кипятить.

Почувствовав приближающийся аппетитный аромат, Юшу успокоился. Ему было не до чего, он ни о чем не боялся, кроме голода. Это чувство — зуд, идущий из желудка прямо в мозг, лишаящий рассудка, — до сих пор глубоко отпечаталось в его подсознании и заставляло содрогаться при одном лишь воспоминании. Иногда ему даже казалось — неудивительно, что зомби постоянно пожирают людей, должно быть, они голодали до самого предела.

Матушка Сун уложила младенца в колыбель, подложила под спину подушку и, заметив, как он поглаживает животик, улыбнулась:

— Не торопись, скоро будешь сыт.

В этот момент в комнату ворвался ледяной поток ветра, окутав матушку Сун.

— В такую жару, откуда в комнате такой холод? — пробормотала она про себя и вдруг что-то вспомнив, достала из узла несколько зеркал инь-ян.

Байшао принесла в комнату горячее молоко и, увидев зеркала, поспешила сказать:

— Матушка, кормите маленького господина, я сама развешу зеркала.

— Это зеркала для удержания духа, которые госпожа просила у мастера Сюаньмина. Они защитят душу маленького господина, их нужно весить строго по сторонам света. Оставь, я сама разберусь. — Матушка Сун достала листок с записями о запретах и правилах развешивания зеркал.

Юшу отчетливо почувствовал, как в тот миг, когда зеркала извлекли, ледяной ветер — точнее, тот самый призрак-кредитор — что было сил бросился наутек. Похоже, он боялся этих зеркал.

Когда холод отступил, матушка Сун успокоилась, надела на младенца нагрудник и начала кормить его по ложечке, приговаривая:

— Маленький господин, не вините госпожу. Она не потому к вам не приходит, что не хочет, на сердце у нее тоже тяжело! Весь дом маркиза сейчас под следствием, и ради спасения господина и госпожи ей приходится заискивать перед Ван Сянцянем. Жизни нас всех зависят от него. Она не приходит к вам и не упоминает о вас, чтобы Ван Сянцян забыл о вашем существовании, и вы могли бы вырасти в безопасности.

Юшу широко открывал рот, послушно глотая молоко. Казалось, он ничего не понимает, но на самом деле внимательно слушал и собирал сведения. Выходит, мать не то чтобы не хотела его спасти — у нее просто не было такой возможности. Она отдала его от себя, чтобы защитить. При этой мысли холодный взгляд Юшу слегка потеплел.

Служанка придвинула табурет к колыбели и время от времени вытирала уголки рта ребенка. Она явно была недовольна и тихо ворчала:

— Матушка Сун, неужели господин действительно дал нам лишь сорок лянов на воспитание молодого господина? Из-за какого-то сна он так легко поверил, что готов отказаться от родной крови?

— Ха, когда совершишь слишком много зла, обязательно наткнешься на призрака! Вспомни, сколько людей помогало Ван Сянцяню, когда он был в нищете. А теперь, когда он поднялся, видел ли ты, чтобы он хоть кому-то помог? Такой подлец, как он, привыкший всюду искать выгоду, накопил столько темных долгов, что теперь даже спит беспокойно, преследуемый ночными кошмарами. Обидно, что он использует это как повод издеваться над нашей госпожой и маленьким господином. А ведь тут явно не обошлось без подстрекательств той стервы Линь!

Матушка Сун была так разгневана, что ее движения при кормлении замедлились. Юшу похлопал ее по тыльной стороне ладони, а когда она не отреагировала, сам потянулся и ухватил ложку.

— Маленький господин так умен, что уже сам может есть! Байшао, ты видела? — Матушка Сун тут же отвлеклась от гнева и громко рассмеялась.

— Видела, видела! — обрадовалась Байшао, поспешно вытирая уголки рта ребенка, и с похвалой добавила: — Второй господин уже тоже полгода как родился, а ни перевернуться, ни сесть, ни ползать не может! Постоянно требует, чтобы кормилица носила его на руках, не отпуская ни на секунду, иначе начинает вопить так, что до синевы доходит. Вот уж кто на дурачка похож!

— Девочек нужно растить в богатстве, а мальчиков — в строгости. Наш молодой господин из дома маркиза, даже имея лишь одну кормилицу, к двум годам должен был отлучен от груди, к трем — научиться самостоятельности: сам умываться и одеваться, без помощи других. В пять лет — начинать учебу, в шесть — боевые искусства. Дом наш славился праведными нравами, сколько достойных мужей страны он взрастил... — Возможно, вспомнив о нынешнем упадке дома маркиза, матушка Сун не смогла закончить, а лишь холодно усмехнулась: — А глянь на того ублюдка, рожденного от стервы: четверо кормилиц, десятки слуг и нянек! Холодно нельзя, голодно нельзя, даже руку поднять — и то ленился. Таким манером, даже когда вырастет, толка из него не выйдет — один лишь бесполезный человек!